

[Пациент номер двести тридцать, пожалуйста, пройдите к кабинету номер пять и приготовьтесь к приёму.]

Красные буквы на табло четвёртого этажа сменяли друг друга неспешной чередой. Юй Тяо нерешительно переступил с ноги на ногу, прижимая ладонь к затылку, где зудела и опухала воспалённая железа.

Последние недели его изводила непрекращающаяся субфебрильная температура, а внезапные приступы дурноты и темнеющая перед глазами пелена красноречиво твердили: визит в больницу откладывать больше нельзя.

— Когда именно начался жар? — спросил доктор, снимая стетоскоп и переводя взгляд на экран компьютера.

— Наверное, на прошлой неделе. Но лёгкое недомогание я чувствовал и раньше, просто не обратил внимания.

Врач едва заметно кивнул и принялся быстро стучать по клавишам, занося симптомы в карту.

— А головокружение и отёк железы?

— Это уже давно, — ответил Юй Тяо. — Сначала беспокоило лишь изредка, но около месяца назад припухлость почти перестала спадать.

Доктор с сомнением прищурился:

— Судя по вашей истории болезни, ещё в старшей школе вы перенесли операцию по имплантации искусственной железы, которая в итоге не прижилась?

— Всё верно.

— И раньше подобные симптомы у вас не проявлялись? — Терапевт заподозрил, что дело в застарелых послеоперационных осложнениях.

— Сильный жар держался только во время реабилитации. Хирург тогда предупреждал, что моя собственная железа сильно атрофирована, поэтому вероятность отторжения импланта крайне велика.

— И всё же вы решились на операцию? — На губах доктора промелькнула едва уловимая усмешка. Очевидно, у этого беты когда-то был возлюбленный, ради которого тот пошёл на столь безумный шаг.

— Да. — Юй Тяо не горел желанием ворошить прошлое. — Доктор, так в чём же причина моего состояния?

— Сейчас сказать трудно, но я склонен винить последствия того неудачного вмешательства. Три-четыре года — приличный срок, но скрытые осложнения могут спать очень долго. — Врач продолжал вводить данные, попутно добавляя: — Головокружение и слабость — результат хронического недосыпа и общего истощения. А вот что касается жара... Господин Юй, вы ведь не провели должную гигиеническую обработку после близости?

Их интимная жизнь никогда не отличалась регулярностью, но на прошлой неделе у Лу Куаньдуна внезапно начался период восприимчивости. Они любили друг друга до полного изнеможения, после чего Юй Тяо просто провалился в глубокий сон. Проснувшись поутру, он обнаружил вторую половину постели пустой, так что приводить себя в порядок ему пришлось самому.

— Да, — тихо подтвердил он.

— Я выпишу вам жаропонижающие и противовоспалительные средства. Но ходить с температурой целую неделю — это безответственность. Ваш супруг тоже хорош, совершенно за вами не смотрит, — проворчал доктор, распечатывая рецепт и протягивая его пациенту вместе с медицинской картой. — Если тревога не уйдёт, сдайте кровь. Если показатели будут в пределах нормы, повода для паники нет. Просто не забывайте о регулярных осмотрах.

Юй Тяо вежливо поклонился:

— Благодарю вас, доктор.

В сезон затяжных дождей город словно поддёргивался плесенью.

Ливни хлестали без остановки вторую неделю. Стоило этой сырости уйти, как налетевший северный ветер окончательно погрузил бы город С в глубокую, промозглую осень.

Служанка принесла из кухни пиалу с питательным бульоном. Заметив, что Юй Тяо сидит в одном лишь тонком трикотажном пуловере, она невольно затрепетала от страха. Женщина заколебалась, не стоит ли вернуться в спальню и принести для него тёплую накидку. Ведь всего полмесяца назад молодой господин Лу пришёл в неописуемую ярость, стоило супругу подхватить простуду и слечь с лихорадкой.

Хотя в обычные дни хозяин и видеть не желал своего законного избранника, постоянно выказывая ему ледяное пренебрежение.

Впрочем, отношение челяди всегда зеркально отражает прихоти господ. Лу Куаньдун не питал к мужу ни капли нежности; супруги даже не пытались разыграть благопристойный союз, и полное игнорирование давно сделалось семейной рутиной. Насмотревшись на такое, слуги тоже не утруждали себя почтением к законному супругу.

Раньше, если Юй Тяо занедуживал, молодой господин и бровью не вёл. Но в этот раз его словно подменили: он обрушился на прислугу с обвинениями в халатности, заставив всех дрожать от страха и без конца заискивающе кланяться.

— Молодой господин упомянул, что вы неважно себя чувствуете, и велел приготовить для вас укрепляющий отвар. Извольте отведать, — подобострастно согнувшись, произнесла служанка. Тайно она окинула юношу косым, оценивающим взглядом. С самого первого дня в этом доме Юй Тяо почти не подавал голоса. Он казался человеком тихим, неконфликтным и лишённым всяких амбиций. Назови его мягким — не ошибёшься, но для челяди он был скорее непроходимым глупцом.

Вечно он возился с какой-то ерундой: заказывал в сети пазлы, деревянные конструкторы, картины по номерам... Словом, убивал время как мог.

Да и внешность у него была самой заурядной. В высшем свете крутилось столько ослепительных, изысканных омег, что брак с их молодым господином для этого беты выглядел чистой воды мезальянсом.

В душе служанки kloкотала глухая обида. Она ходила за Лу Куаньдуном с малых лет и прекрасно понимала, что при её положении мечтать о взаимности — безумие. Но почему тогда этому никчёмному бете досталось всё?

— Оставь на столе, — отозвался Юй Тяо. Он сидел на диване, подогнув под себя ноги, и неторопливо складывал бумажные звёздочки.

— Вам лучше выпить его сейчас. Остынет — станет совсем невкусно, — настойчиво добавила прислуга. Несколько дней назад хозяин лично отдал строгий приказ: следить, чтобы супруг принимал этот отвар ежедневно.

Загнув последний уголок бумажной ленты, Юй Тяо придал звёздочке объём и аккуратно опустил её на стеклянную поверхность журнального столика. Он коснулся пальцами ноющего затылка, бережно потирая зудящую кожу, и замер, уставившись на наручные часы, словно в уме вёл какой-то подсчёт.

— Молодой господин вернулся! Накрывать на стол прямо сейчас?.. — донёсся из прихожей приглушённый голос.

Юй Тяо ждал возвращения мужа.

Тот редко ужинал дома. Все его дни поглощала подковёрная борьба с родственниками за каждую крупицу семейного капитала, а бесконечные деловые встречи и сверхурочная работа давно стали нормой. О своих редких визитах к домашнему очагу он всегда предупреждал заранее.

— Пожалуй, я не стану это пить. Отвар слишком горчит, — негромко произнёс Юй Тяо ровно в то мгновение, когда шаги Лу Куаньдуна зазвучали на пороге гостиной.

Служанка, и без того не привыкшая церемониться со вторым хозяином, мгновенно утратила терпение. Она резко сунула пиалу прямо к лицу юноши, но тот неловко повёл локтем. Женщина не удержала равновесия, и горячее варево с плеском полетело вниз.

Инстинктивно отпрянув, служанка испуганно вскрикнула, а дымящийся, обжигающий бульон целиком вылился на ноги Юй Тяо.

Тот лишь тихо охнул от резкой боли, но сдержался, не издав ни звука, лишь судорожно стиснул зубы и нахмурился.

Утаить подобный переполох было невозможно.

— Что здесь происходит? — ровным, лишённым каких-либо эмоций голосом спросил Лу Куаньдун, стягивая пальто и передавая его подоспевшему дворецкому. Его тон звучал обыденно и безучастно, словно он задавал дежурный вопрос ради приличия.

Служанка, судорожно сглотнув, согнулась в три погибели. Ей даже в голову не пришло предложить пострадавшему салфетку. Вместо этого она запричитала плаксивым, елейным голоском, будто вся несправедливость мира обрушилась на неё одну:

— Молодой господин... Я правда не хотела! Господин Юй сам не удержал пиалу...

— Совсем от рук отбились? Живо приберите здесь всё, на полу полно осколков! — прикрикнул на остальных слуг вмешавшийся дворецкий.

К счастью, сегодня на Юй Тяо были свободные домашние брюки. По натуре он был человеком бесконфликтным, медлительным и терпеливым — никогда не устраивал сцен, не лил слёз и никого ни в чём не винил.

Он молча закатал штанину. Кожа на голени успела густо покраснеть. Юноша редко бывал на солнце, и на фоне его алебастровой бледности ожог выглядел пугающе ярко.

Служанка продолжала стоять с понурой головой, тщетно пытаясь угадать мысли хозяина. Внутри у неё всё сжималось от страха, что тот снова взорвётся гневом, как пару дней назад. Она плотно сжала губы, боясь даже вздохнуть.

— Иди переоденься. Скоро будем ужинать, — раздался вердикт.

Голос звучал спокойно, холодно и властно. Как всегда.

Заметив, что гроза миновала, прислуга заметно приободрилась и расправила плечи.

— Хорошо, — послушно отозвался Юй Тяо.

— Жар прошёл? — поинтересовался Лу Куаньдун. Из-за долгого отсутствия он действительно был не в курсе его самочувствия.

— Да, всё в порядке.

— Вот и славно.

Их беседы редко перешагивали порог в десяток слов. Бросив короткую реплику, мужчина сухо развернулся и направился к лестнице. В этот момент Юй Тяо мысленно перевёл дыхание.

Что ж, именно такой — бесконечно далёкий и равнодушный Лу Куаньдун — был ему привычен.

Его холодность была естественной. В конце концов, в сердце этого альфы жил совсем другой человек.

А поспешный брак с безродным бетой служил лишь ширмой для чужих глаз. На людях Лу Куаньдун усердно разыгрывал роль легкомысленного повесы, прожигающего жизнь в кутежах и неспособного на великие дела. Но за этой маской скрывался расчётливый, безжалостный и злопамятный хищник с непомерными амбициями.

Его приёмные родители долго не могли обзавестись собственным потомством. Когда Куаньдуну исполнилось три года, его забрали из приюта и привели в дом семьи Лу. Старшее поколение твёрдо вознамерилось вырастить из сироты достойного преемника.

Всё шло своим чередом, пока в пятилетнем возрасте у мальчика неожиданно не появился младший брат.

И тогда приоритеты приёмных родителей мгновенно сместились. Каждому стало очевидно: права на наследство теперь придётся оспаривать.

Младший сын вырос на редкость изворотливым и прекрасно знал, какими путями снискать родительское расположение. Против зова крови идти трудно — ласка и внимание супругов Лу целиком доставались родному чаду.

К несчастью для брата, Лу Куаньдун оказался куда более хитрым и дальновидным игроком. Он понимал, что под этой крышей выживает лишь тот, кто умеет прятать когти и не высовываться. Годами он терпеливо сносил капризы единокровного соперника.

Ещё будучи студентом, младший брат обручился с омегой из влиятельного аристократического клана. Их свадьбу праздновали с невиданным размахом, а среди гостей числился весь цвет высшего общества.

Вскоре после этого торжества Лу Куаньдун спешно сочетался браком с Юй Тяо.

Контраст между двумя свадьбами ранил бы любого. У Юй Тяо не было ни торжественного приёма, ни обручального кольца — лишь скромный лист гербовой бумаги подтверждал, что теперь они связаны узами брака.

В их первую брачную ночь Лу Куаньдун холодно отчеканил:

— Нужная сумма уже переведена на твой счёт. С этого момента моя личная жизнь тебя не касается. Мне не нужна заботливая и любящая чета. Мой идеальный спутник — глухонемой. Ничего не слышать, ни о чём не спрашивать. Тебе всё ясно?

И Юй Тяо согласился. Они скрепили свои отношения солидным договором на добрый десяток страниц. Юноша безукоризненно следовал каждому пункту, безропотно играя роль бесплотного призрака в роскошном особняке.

Мягкий нрав, уступчивость и готовность оставаться в тени — идеальные качества, помогавшие Куаньдуну поддерживать перед семьёй образ «человека, абсолютно равнодушного к власти». Именно поэтому выбор пал на него.

Была, впрочем, и другая причина. Черты лица Юй Тяо неуловимо перекликались с обликом того, кого Куаньдун без памяти любил. Даже крошечная коричневая родинка между бровей находилась на том же самом месте.

Именно поэтому внезапная перемена в поведении супруга не могла укрыться от глаз Юй Тяо.

Когда ты слишком хорошо знаешь, как выглядит истинное равнодушие, любая попытка проявить заботу кажется фальшивой и выбивает из колеи.

Очевидно, его недавний гнев и внезапное беспокойство были лишь отголоском прошедшего периода восприимчивости. Вернувшись домой в период восприимчивости, альфа просто утолил свою похоть с тем, кто подвернулся под руку.

Юй Тяо был обычным бетой. Он не мог источать успокаивающие феромоны, способные усмирить бурю в крови альфы, а сам Лу Куаньдун не получал желанного облегчения от

временной метки.

Вместо этого он раз за разом яростно вгрызался в чужую железу, становясь всё безумнее с каждой минутой. В ту ночь Юй Тяо действительно едва не лишился чувств от изнеможения.

Обычно в такие периоды супруг спасался сильными подавителями или искал утешения в объятиях омег. То, что он решил переждать гон рядом с Юй Тяо, было из ряда вон выходящим событием.

А отсутствие опыта всегда порождает ошибки. Разъярённый альфа в период восприимчивости — смертельная угроза для незащитного беты.

Вероятно, его вспышка гнева и крики на прислугу были лишь завуалированной попыткой заглушить уколы совести за собственную несдержанность.

Юй Тяо осторожно коснулся пальцами переносицы и опустил голову. На тёмной стеклянной столешнице едва заметно проступили черты его лица.

Той самой родинки между бровей больше не было.

Юноша тихо выдохнул, чувствуя, как уходит напряжение. Главное, чтобы его сердце оставалось холодным.

Стоит дать волю чувствам, и всё полетит под откос.

<http://bllate.org/book/20424/2105567>